

1917

РЕВОЛЮЦИЯ,

ИЛИ КАК
ПРОИЗОШЕЛ
ПЕРЕВОРОТ
В РОССИИ

ВОСПОМИНАНИЯ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА
СВИТЫ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

ДМИТРИЯ НИКОЛАЕВИЧА
ДУБЕНСКОГО

К 100-летию революции

Дмитрий Дубенский

**Революция, или Как
произошел переворот в России**

«Издательство АСТ»

УДК 94(47)"1917"
ББК 63.3(2)524

Дубенский Д. Н.

Революция, или Как произошел переворот в России /
Д. Н. Дубенский — «Издательство АСТ», — (К 100-летию
революции)

ISBN 978-5-17-101779-8

Сборник содержит воспоминания генерал-майора Свиты Императора Николая II, военного историографа Великой войны Д. Н. Дубенского (1857–1923), появившиеся в свет в эмигрантском журнале «Русская Летопись». Впервые публикуются в России без сокращений и с приложением материалов бывших «спецхранов», которые позволяют раскрыть (накануне 100-летнего юбилея) многие малоизвестные страницы истории Февральской революции 1917 г. Для всех интересующихся историей нашего Отечества.

УДК 94(47)"1917"
ББК 63.3(2)524

ISBN 978-5-17-101779-8

© Дубенский Д. Н.
© Издательство АСТ

Содержание

Вместо предисловия	6
В. М. Хрусталеv	8
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Дмитрий Николаевич Дубенский

Революция, или Как

произошел переворот в России

© В. М. Хрусталеv, составление, очерк, биогр. справка, комментарии,
2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Вместо предисловия

Перед нами воспоминания генерал-майора Свиты Государя Императора Николая II, официального историографа Первой мировой войны Дмитрия Николаевича Дубенского (1857–1923). На него были возложены многие обязанности, в т. ч. по описанию поездок Николая II в Ставку Верховного Главнокомандующего вооруженными силами и флотом (Барановичи и Могилев), а также на многочисленные фронты, порой в зону ожесточенных боевых действий. Линия фронта протянулась в то время почти на две тысячи километров от берегов Балтики до Черного моря, а с вступлением в Великую войну Османской империи бои развернулись в Закавказье и Персии (Иране), где была сформирована и действовала Кавказская армия, и русские воинские части координировали боевые операции против турок с англичанами в Месопотамии (Ираке). Отдельные русские формирования воевали вместе с союзниками (по Антанте) и на Балканах, а позднее и на территории самой Франции. Во время Великой войны Императорский поезд преодолел с Государем и его сопровождающими лицами около ста тысяч верст. Царь неожиданно появлялся в самых отдаленных уголках фронта. Так, например, в конце 1914 года он посетил цитадель Карса на турецком фронте в Закавказье, где лично участвовал в награждении Георгиевскими крестами отличившихся воинов. Дубенский также сопровождал Государя в поездках в Галицию, Львов, Перемышль на Юго-Западном фронте, неоднократно они бывали во многих опасных в военном отношении местах на Западном и Северном фронтах. За неоднократное нахождение в прифронтовой и фронтовой зоне император Николай II был отмечен орденом Св. Георгия 4 ст., а его сын цесаревич Алексей Николаевич Георгиевской медалью, чем оба очень гордились. Дубенский оказался в числе немногих непосредственных свидетелей (в силу разных обстоятельств) подписания акта отречения последнего самодержца от Российского Престола в Ставке у генерал-адъютанта В. Н. Руцкого (1854–1918) в Пскове. Многие из ближайшего окружения царя восприняли эти события как военный заговор или государственный переворот, позднее получивший во всемирной истории известное теперь всем нам наименование «великой и бескровной Февральской революции». Прошло уже 100 лет с момента свершения этого глобального мирового события, а научные споры вокруг него до сих пор продолжаютсЯ с выяснением все тех же вечных вопросов: кто был прав или виноват и что надо было делать?! Верно написал в свое время немецкий поэт и историк Иоганн-Фридрих Шиллер (1759–1805) такие, ставшие крылатыми слова: «Истина ничуть не страдает от того, если кто-либо ее не признает». Великий поэт только не уточнил, как прояснить эту истину до конца. Генерал Дубенский отразил свое видение проблемы и незадолго до собственной кончины изложил события на суд читателей на страницах эмигрантского журнала, а затем издал их отдельной брошюрой, но, к сожалению, не всегда строго соблюдая хронологию и временами, возможно невольно, искажая факты. Попробуем внести в это дело хотя бы некоторую ясность, попытаемся разобраться, о чем писал автор воспоминаний достоверно и в чем он заблуждался, чтобы нашим читателям можно было каждому самостоятельно хотя бы на шаг приблизиться к истине. Только в сопоставлении текста многих исторических источников и объективного анализа их содержания залог успеха на бесконечном пути достижения поставленной цели. В этой связи стоит помнить слова великого нашего соотечественника и просветителя Александра Николаевича Радищева (1749–1802): «...чем выше человек восходит в познаниях, тем страннейшие открываются ему виды».

Основу сборника составляют воспоминания и другие архивные свидетельства (в полном виде, т. е. без сокращений, цензуры и редакторской правки тех фрагментов, которые публиковались в прежние советские времена, а также материалы ранее недоступных из бывших «спецхранов» архивов и библиотек), казалось бы, известных, а во многом тайных и драматических событий, происходивших в начале XX века в государстве Российском. Сборник составлен по

правилам публикации исторических документов. К материалам в необходимых случаях даны подстрочные примечания или соответствующие пояснения составителя в самом тексте в круглых скобках (с обозначением: – **В.Х.**), а также развернутые тематические и именные комментарии к ним, помещенные под валовой нумерацией в конце издания. Комментарии написаны на основе архивных и печатных источников, в т. ч. из «спецхранов», что значительно повышает информативность содержания публикации и облегчает понимание хода исторических событий того периода. При частичной публикации документов или воспоминаний извлечения, сделанные из текста, оговариваются в заголовке предложением «из» и во всех случаях они отмечены отточием, заключенным в косые скобки (с обозначением: /.../). Очевидные погрешности текста (пропуски букв, опечатки, орфографические ошибки), не носящие смысловой нагрузки, исправлены и не оговариваются, за исключением тех случаев, когда они характеризуют какие-то особенности того или иного лица. В последнем случае в подстрочном примечании указывается сохранение специфики исторического источника. Восполняемые составителем недостающие в некоторых документах отдельные слова и части слов, а также поврежденные места их заключены в квадратные скобки (с обозначением: []) или оговариваются в подстрочных примечаниях. Словами «так в документе» обращено внимание читателей на смысловые и стилистические особенности текста источника. Документы и события до 14 февраля 1918 г. датируются по старому стилю. В необходимых случаях датирование по новому стилю проставлено рядом в круглых скобках или через косую черту. Сборник дает возможность каждому читателю составить свое личное мнение о ходе глобальных исторических событий той далекой эпохи.

В. М. Хрусталеv

Февральская революция, или Как произошел переворот в России

Политическая и экономическая ситуация в стране в начале 1917 г. напоминала грозные события революции 1905–1907 гг. Тогда, в конце Русско-японской войны, после первой всеобщей забастовки, император Николай II обратился за советом к графу С. Ю. Витте. Искушенный в таких делах царедворец сказал: «Ваше Величество, Вы должны сделать выбор. Или дать народу конституцию, или назначить военного диктатора с неограниченной властью». Так появился царский Манифест 17 октября 1905 г., который дал России первую «конституцию». Права монарха были ограничены, в частности, бюджетными правами Государственной думы. Законопроекты могли стать законами только после одобрения обеими палатами: Государственной думой и Государственным советом. В новых условиях постоянного сотрудничества с Думой председатель Совета министров П. А. Столыпин заложил основы конституционализма в России. Крылатыми стали обращенные им к сторонникам революционного переустройства общества слова: «Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия». Это был призыв к гражданскому миру во имя величия и процветания державы.

В начале XX в. Российская империя выдвинулась в число передовых государств мира. Недаром известный в то время французский экономический обозреватель Эдмонд Тэри, анализируя в книге «Россия в 1914 году» ход мирового процесса, писал: «Рассматривая результаты, полученные с начала XX в., они (*читатели. – В.Х.*) придут к заключению, что если у больших европейских народов дела пойдут таким же образом между 1912 и 1950 гг., как они шли между 1900 и 1912 гг., то к середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении...».

Стоит отметить, что за период 1885–1913 гг. среднегодовые темпы роста промышленного производства в России составляли 5,8 %, США – 5,2 %, Германии – 4,5 %. Занимая пятое место в мире по промышленному производству, Россия все с большим ускорением догоняла передовые страны.

Однако Первая мировая война, которую в Российской империи нередко называли «Великой» или «Отечественной», и шквал революций 1917 года опрокинули все радужные надежды наших соотечественников на лучшее будущее. Современники тех событий пророчески отмечали: «История императора Николая II и его царствования не легко дается историкам. Уже теперь на фоне ее вырисовываются два противоположных, могущих казаться исключительными друг друга явления: 1) чрезвычайный, почти неслыханный рост благосостояния русского народа почти во всех областях государственной жизни и 2) трагический конец царствования, бросивший великую страну в омут неслыханных бедствий, поставивших ее на край бездны...».

Сегодня общепризнанно, что в истории России XX в. есть еще множество «белых пятен», которые только теперь начинают исчезать. Таким «белым пятном» остается один из поворотных моментов мировой и отечественной истории: неожиданное крушение Российской империи и Императорского Дома династии Романовых в феврале – марте 1917 г., не так давно до этого (в 1913 г.) торжественно отметившего 300-летнее правление великой державой, занимавшей шестую часть земного шара, где проживал каждый седьмой человек планеты.

Этой катастрофе в немалой степени способствовало всепожирающее пламя Первой мировой войны, в горниле которого жертвами пали еще две европейские династии: Гогенцоллернов в Германии и Габсбургов в Австро-Венгрии. Парадоксальность событий заключалась в том, что в открытом военном противостоянии столкнулись и рухнули три старейших Императорских Дома, некогда стоявших единым щитом против наполеоновских притязаний на миро-

вое господство. Последствия катастрофы оказались трагичными не только для народов поверженных империй, но и для судеб мировой цивилизации.

Россия вступила в Первую мировую войну уже не той, какой она была десять лет назад, т. е. во времена вооруженного конфликта с Японией. При Николае II в стране произошли глубокие изменения во всех областях жизни. Экономический потенциал России позволил ей вынести на своих плечах главный удар неприятельских армий в кампании 1914 г. и выручить союзников по Антанте от грозящего поражения. Однако положение резко изменилось к лету 1915 г. в связи с отступлением русских армий из Галиции и Польши из-за острого недостатка боеприпасов, военного снаряжения и ошибок Верховного командования. Военный министр генерал В. А. Сухомлинов (1848–1926) был отстранен от должности и затем отдан под суд. Обстановка в стране подтолкнула буржуазно-помещичьи фракции IV Государственной думы и Государственного совета объединиться в августе 1915 г. в так называемый «Прогрессивный блок». Вне блока оставались только крайне правые и меньшевики. Блок критиковал царское правительство за неспособность обеспечить победу в Первой мировой войне и выдвигал программу ограниченных либерально-демократических реформ, добиваясь перераспределения реальной политической и экономической власти в пользу крупной буржуазии, как это было в Западной Европе и США. Главным требованием блока являлось создание «министерства доверия» во главе с одним из министров, готовым сотрудничать с Государственной думой. Требование оставалось в рамках закона о Думе 1906 г. Под влиянием временных военных поражений русской армии в 1915 году вновь возродились надежды оппозиции на вхождение в состав правительства и достижение поставленной цели. Однако после «Брусиловского прорыва» на фронте положение резко изменилось опять в пользу Российской империи. Австро-Венгрия была на пороге разгрома, и недалек был тот час окончательной победы над внешним врагом, а также исполнения «тайной вековой мечты» – обладать черноморскими проливами и Константинополем. Такой «приз» гарантировали русским союзники по Антанте, но только после успешного окончания войны. Обещали они в те времена, когда положение на фронте для них было критическим и требовалась срочная помощь русских армий. Однако с устранением опасности, особенно после Вердена, наши союзники предпочитали все реже вспоминать о своих обязательствах. Тому были свои причины. Это еще более могло увеличить мощь и влияние Российской империи на мировые процессы развития цивилизации на нашей планете в послевоенное время. Победы желали в войне и российские капиталисты (приобретение новых рынков и т. п.), но в то же время в таких условиях буржуазным классам (реальным и все усиливающимся хозяевам страны) трудно было рассчитывать на уступки политической власти в свою пользу от самодержавного строя. Думская оппозиция это хорошо осознавала, пойдя на отчаянный штурм Российской монархии еще во второй половине 1916 г., когда будоражила всю страну все новыми выдвигаемыми царскому правительству требованиями. Таким образом, в конце 1916 и начале 1917 г. Николай II опять, как и в 1905 г., оказался перед дилеммой: «или сильная военная диктатура... или примирение с общественностью».

Противостояние политических сил нарастало. Становилась все более реальной угроза военного заговора или дворцового переворота. Положение усугублялось тем, что в конце 1916 г. в связи с убийством Г. Е. Распутина (1869–1916) Императорский Дом Романовых оказался расколотым. Николай II предпринимал попытки найти выход из политического тупика и все усиливавшейся изоляции, но не шел на предлагаемые ему советниками крайние меры, надеясь решить все проблемы миром и без больших потрясений, чем входил уже в противоречие с позицией «правых монархических кругов». Союзники по Антанте не желали дальнейшего усиления Российской империи, а больше всего не хотели видеть в ее составе новые стратегически важные территории за счет Османской империи, которые в трудные времена сулили русским за понесенные бесчисленные жертвы.

Почему произошла Февральская революция, резко качнувшая маятник истории? Профессиональные историки многих поколений довольно «потрудились» над этим вопросом, принося порой объективность в жертву политике. За историческими событиями часто отсутствовали неудобные исторические персонажи – люди, бывшие непосредственными участниками этих событий. Однако ход истории нередко зависит от волевого решения отдельной личности, облеченной властью, и понять это решение можно, лишь взглянув на него не только через «призму объективных обстоятельств и событий», но и сквозь «субъективное преломление черт характера» того или иного действующего лица, стоящего у «руля» государства.

Определенно можно сказать, что к последнему русскому царю, которого в недавние времена называли не иначе как «Николай Кровавый», советские и российские историки, за исключением немногих (да и то в последнее время), мягко говоря, отнеслись несправедливо, а некоторые их «труды» – бледное отражение действительности. В течение длительного периода на Николая II (1868–1918), который мог бы быть почти нашим современником (как, например, германский император Вильгельм II, родившийся в 1859 г. и умерший в 1941 г.), обрушивали потоки клеветы, измышлений и ненависти. Его имя систематически дискредитировалось, так что многим становилось ясно: все это было планомерной акцией по вытравливанию из сознания простого русского люда (веками чтившего монарха как одну из величайших своих национальных святынь) малейшей памяти об этой, несомненно, незаурядной личности, хотя и не лишенной человеческих слабостей.

Если следовать афоризму, что «история есть политика, опрокинутая в прошлое», то необходимо установить последовательность реальных событий, предшествовавших крушению царской России, рассказать – опираясь на документы и свидетельства очевидцев – об «отречении» Николая II и его брата великого князя Михаила Александровича от трона, что и стало отправной точкой скорбного пути Романовых, а по большому счету, и всей России.

* * *

С первых дней победы Февральской революции в общественном сознании превалировало мнение о беспечности и слабости последнего самодержца – Николая II, о той легкости, с которой он якобы без борьбы отрекся от российского престола, как будто (по крылатому выражению в воспоминаниях генерал-майора Свиты Императора Д. Н. Дубенского) «сдал эскадрон».

Так ли было на самом деле? Чтобы понять ход грозных событий конца февраля – начала марта 1917 г. и поведение в это время императора, необходимо четко представлять расстановку политических сил в стране накануне их и знать особенности характера Николая II. В связи с этим попытаемся кратко отметить наиболее значительные особенности ситуации и воспроизвести хронологию круговерти революционных дней.

В мятежное время Февральской и Октябрьской революций (да и после расстрела Николая II) в периодической печати и многочисленных мемуарах современников отмечалась роковая предопределенность судьбы бывшего царя.

На фатализм, свойственный Николаю II, указывал французский посол в России Морис Палеолог (1859–1944). В воспоминаниях «Царская Россия накануне революции» он приводит следующее свидетельство:

«Однажды Столыпин предлагал Государю важную внутривластную меру. Задумчиво выслушав его, Николай Второй делает скептическое беззаботное движение, которое как бы говорит: это или что-нибудь другое – не все ли равно... Наконец он заявляет:

- Знаете ли Вы, когда день моего рождения?
- Разве я мог бы его не знать?
- Шестого мая. А какого святого праздник в этот день?

– Простите, Государь, не помню.

– Иова Многострадального.

– Слава Богу, царствование Вашего Величества завершится со славой, так как Иов, претерпев самые ужасные испытания, был вознагражден благословением Божиим и благополучием.

– Нет, поверьте мне, Петр Аркадьевич, у меня более чем предчувствие. У меня в этом глубокая уверенность. Я обречен на страшные испытания...».

В самом деле, царствование Николая II, начавшись Ходынкoй, было отмечено печатью многих трагических событий истории российской: Русско-японская война, революционные события 1905–1907 гг., кровавая бойня Первой мировой войны, всепожирающее пламя революций 1917 года и разгоравшийся пожар гражданской междоусобицы. Какой-то рок, казалось, отметил его судьбу скорбной печатью. Это предчувствие постепенно проникло в сознание императора, и он знал, что «Господь ведет его по пути Иова», надо только претерпеть, а дальше... Божья воля.

Следует заметить, что в Императорской семье Романовых знали о предсказании святого Серафима Саровского, записанном (как говорило предание) каким-то генералом и хранящемся в департаменте полиции, гласившем о сыне императора Александра III приблизительно следующее: «Начало двадцатого века: кровопролитная война. Глад, мор, трясение земли. Сын восстанет на отца и брат на брата. Царствование долгое (чуть не шестьдесят лет), первая половина его тяжкая, вторая светлая и покойная».

Последний русский самодержец Николай Александрович Романов родился 6 мая 1868 г. Старший сын императора Александра III и его жены Марии Федоровны, датской принцессы Дагмар (1847–1928). Он вступил на престол 21 октября 1894 г. Женился 14 ноября 1894 г. на немецкой принцессе Алисе Гессен-Дармштадтской (1872–1918), принявшей в православии имя Александра Федоровна.

Государь Николай II был среднего роста – 5 футов и 7 дюймов (168 см), выделялся пропорциональностью телосложения и стройной спортивной фигурой. Волосы имел золотисто-рыжеватого цвета, несколько темнее была тщательно подстриженная, холеная борода. Украшением его красивого, чуть удлиненного лица, на котором часто светилась очаровательная улыбка, были голубые глаза. Следователъ по особо важным делам Н. А. Соколов (1882–1924) в своей известной книге «Убийство царской семьи» (Париж, 1924; Берлин, 1925; М., 1990) характеризовал его следующим образом: «Николай получил воспитание, какое обычно давала среда, в которой он родился и жил. Она привила ему привычку быть всегда ровным, сдержанным, не проявлять никаких чувств. Он любил книгу и много читал по общественным наукам и по истории. Был прост и скромен в своих личных привычках, любил природу и охоту, был весьма религиозен. Самой типичной чертой его натуры, поглощавшей все другое, была доброта его сердца, его душевная мягкость, утонченная деликатность. По своей природе он был совсем не способен причинить лично кому-нибудь зло».

В светском аристократическом обществе того времени бытовало устойчивое мнение относительно слабoволия Николая II. Однако это было общее заблуждение, создававшееся первым впечатлением от уступчивости императора. Он не любил спорить и редко в полемике отстаивал свое мнение, но часто делал так, как считал должным. Об этом есть многочисленные свидетельства графа С. Ю. Витте, других министров и политических лидеров. В частности, своеобразие характера царя отмечал французский президент Эмиль Лубе: «Обычно видят в императоре Николае II человека доброго, великодушного, но немного слабого, беззащитного против влияний и давлений. Это глубокая ошибка. Он предан своим идеям, он защищает их с терпением и упорством, он имеет задолго продуманные планы, осуществление которых медленно достигает. Под видом робости, немного женственной, царь имеет сильную душу и мужественное сердце. Непоколебимое и верное. Он знает, куда идет и чего хочет».

Брак царской четы оказался счастливым, хотя имел длительную предысторию. Вероятно, ни одна из русских императриц не была столь несправедливо опорочена современниками, как супруга Николая II. Государыне Александре Федоровне ставили в упрек чрезмерную гордыню и высокомерие, плохой русский язык и скромные туалеты, «непонимание и предательство» интересов России. Ее имя уличные сплетни «желтой прессы», а порой и столичных салонов аристократов тесно связывали с ненавистным и порочным для многих именем Григория Распутина.

Но проходит время, и история, освобожденная от оков политики и интриг, четко все расставляет по своим местам. И совсем иным представляется сегодня образ Александры Федоровны – императрицы, жены, матери...

Она родилась 6 июня (25 мая – по старому стилю) 1872 года в тихом и провинциальном Дармштадте, столице небольшого герцогства Гессен-Дармштадтского, что лежит между Рейном и Майном. При крещении ее нарекли по протестантскому обряду длинно и торжественно: Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатриса. Она была младшей в большой, дружной семье герцога Людвиг (Людовика) IV и урожденной принцессы Алисы Английской (два сына и пять дочерей). Маленькая принцесса являлась общей любимицей, особенно бабушки, английской королевы Виктории I. Близкие называли ее Аликс, а родители величали: наша Санни, т. е. Солнышко. В семье хранили память о посещении Дармштадта супругой Александра II императрицей Марией Александровной (1824–1880), которая, увидев маленькую Алису, сказала баронессе А. К. Пилар: “Поцелуйте у нее руку – это будущая ваша императрица”.

Беда пришла неожиданно. В 1878 году в городе вспыхнула эпидемия дифтерии. Болезнь не обошла стороной герцогский дворец. Шестилетняя Алиса потеряла мать. Смерть потрясла девочку – она замкнулась в себе, стала робкой и застенчивой.

Большую часть детства и отрочества Аликс провела у бабушки, королевы Виктории I, в Англии, которая с нежностью опекала и воспитывала внучку. Известно, что королева Виктория не любила немцев и особое нерасположение питала к императору Вильгельму II, что невольно передалось и Аликс. Принцесса много занималась, она оказалась способной ученицей и достигла хороших успехов особенно в истории, географии, ее познания в немецкой и английской литературе намного превышали уровень студента колледжа. Аликс прослушала даже курс лекций по философии и была удостоена степени доктора философии Гейдельбергского университета. Она прекрасно пела и музицировала на фортепьяно, но только в тесном кругу близких.

Условия воспитания определенно отразились на характере будущей императрицы. Французский посол в России М. Палеолог 7 января 1915 г. отмечал в своем дневнике:

«Александра Федоровна, родившаяся немкой, никогда не была ею ни умом, ни сердцем. Конечно, она немка по рождению, по крайней мере, со стороны отца, так как ее отцом был Людвиг IV, великий герцог гессенский и рейнский, но она – англичанка по матери, принцессе Алисе, дочери королевы Виктории. В 1878 г., будучи шести лет, она потеряла свою мать и с тех пор обычно жила при английском дворе. Ее воспитание, ее обучение, ее умственное и моральное образование также были вполне английскими. И теперь еще она – англичанка по своей внешности, по своей осанке, по некоторой непреклонности и пуританизму, по непримиримой и воинствующей строгости ее совести, наконец, по многим своим интимным привычкам. Этим, впрочем, ограничивается все, что проистекает из ее западного происхождения.

Основа ее натуры стала вполне русской. Прежде всего и несмотря на враждебную легенду, которая, как я вижу, возникает вокруг нее, я не сомневаюсь в ее патриотизме. Она любит Россию горячей любовью. И как не быть ей привязанной к этой усыновившей (*так в тексте.* – В.Х.) ее родине, которая для нее резюмирует и олицетворяет все ее интересы женщины, супруги, Государыни, матери?

Когда она в 1894 г. вступала на трон, было уже известно, что она не любит Германии и особенно Пруссии».

Вот еще одно мнение, графини М. Э. Клейнмихель: «Немецкое происхождение императрицы также служило причиной для недружелюбного к ней отношения, хотя она, подобно погибшей от руки убийц на Урале сестре ее Елизавете, получила совершенно английское воспитание. Она гордилась тем, что она внучка королевы Виктории...».

Несмотря на то, что на Николая II большое влияние имела его супруга Александра Федоровна, но и ее настойчивые просьбы, как свидетельствуют их личные письма и дневники, далеко не всегда исполнялись императором.

Все считали Николая Александровича однолюбом и примерным семьянином. Брак царской четы оказался счастливым. После рождения дочерей Ольги, Татьяны, Марии и Анастасии наконец 30 июля 1904 г. «Бог даровал России Цесаревича».

Государыня звала долгожданного единственного сына Солнечным Лучом, Крошкой, Беби, маленьким Агунюшкой. Николай Александрович в своем дневнике часто называет его «наше маленькое сокровище». Однако рядом с долгожданным семейным счастьем соседствовало несчастье. Цесаревич унаследовал таинственную болезнь Гессенского дома – гемофилию (несвертываемость крови). Жизнь мальчика ежечасно была под смертельной угрозой.

В 1913 г., в дни празднования 300-летия дома Романовых, больного цесаревича пронесли перед войсками на руках: «Его рука обнимала шею казака, было прозрачно-бледным его исхудавшее лицо, а прекрасные глаза полны грусти...».

«Когда он был здоров, – вспоминал учитель наследника П. Жильяр, – дворец как бы перерождался: это был луч солнца, освещающий всех. Это был умный, живой, сердечный и отзывчивый ребенок».

Отчаяние родителей породило в них надежду на чудесную силу исцеления сына «старцем и молитвенником» Г. Е. Распутиным (его сейчас, наверное, назвали бы экстрасенсом). Этот человек, хотя и значительно облегчал приступы болезни юного наследника престола, но порой своим поведением и хвастовством о близости к царской семье, в конце концов, благодаря усилиям недоброжелателей дискредитировал себя и Романовых.

Феномен Распутина и «распутинщины» породил целый поток так называемой «желтой» или «бульварной» литературы, особенно в период нескончаемой революции. Часто, критикуя «эзоповым языком» Распутина, некоторые журналисты и многие оппозиционные деятели метили в устои самодержавного строя и в определенный круг властей предержавших. Однако это был только инструмент для достижения поставленной цели по свержению монархии. Об этом можно судить по многим фактам. Вот, например, свидетельство бывшей фрейлины императрицы А. А. Вырубовой в ее воспоминаниях: «Судебное расследование Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства доказало, что политикой Распутин не занимался и у Их Величеств разговоры с ним были всегда на отвлеченные темы и о здоровье маленького наследника». Тем не менее загадочную и скандальную фигуру Григория Распутина общественное мнение тесно связывало с именем императрицы Александры Федоровны, что бросало мрачную тень на всю царскую семью.

Во все усложнявшейся экономической обстановке Первой мировой войны, исподволь возраставшем революционном движении, не прекращавшейся «министерской чехарде» многие видели кризис власти и растущую неспособность Николая II справиться с создавшейся ситуацией. Хотя теперь многим из нас, пережившим тяготы Отечественной войны (1941–1945) или слышавшим о них от близких, кажется странным, что в Российской империи во время Великой войны не было карточной системы, внешний враг во все годы ее сдерживался на дальних подступах и сама победа уже не вызывала никакого сомнения; продолжала функционировать фактически бунтующая против царского правительства Государственная дума, действовали оппозиционные партии и ими организованные Прогрессивный блок, Земский и

Городской союзы и т. д. Правда, некоторые из наших соотечественников того времени считали, что будь жив убиенный П. А. Столыпин (1862–1911), этой ситуации могло бы и не быть. Аналогично той далекой эпохе, некоторые наши современники также вспоминают сейчас «отца народов» И. В. Сталина (1879–1953) все с той же целью – решения современных проблем России. Стоит заметить, что правды или истины фактически не знает никто (даже известные историки и «экстрасенсы»), к ней только стремятся приблизиться, изучая все более вводимые в научный оборот исторические источники «спецхранов», включая и воспоминания свидетелей тех или иных событий. Беда в том, что каждый из мемуаристов вроде бы знает «правду», но у каждого из них она своя, т. е. как он ее понимает. Он иногда пытается внушить ту «правду», которая порой грешит перед реальными фактами, а нередко сознательно умалчивая о таких, очевидно, для достижения своих корыстных целей или оправдания своих опрометчивых поступков. Вернемся к хронологии тех далеких событий, которые раскололи нашу державу и последствия их сказываются до сегодняшнего дня.

В некоторых кругах светского влиятельного общества вызревали традиционные варианты дворцового переворота. Так, французский посол в России Морис Палеолог (1859–1944) в дневниковой записи от 13 августа 1915 г. подробно излагал (со слов бывшего гвардейского офицера) один из вариантов такого плана. Суть его состояла в том, чтобы Николая II оставить на троне как своего рода декорацию, а царицу Александру Федоровну и ее сестру московскую игуменью Елизавету Федоровну сослать в монастырь на Урал; «распутинскую клику» запрятать еще дальше, «в глубь Сибири».

Строились и более радикальные планы даже после убийства Григория Распутина. Например, 5 января 1917 г. на банкете у миллионера Богданова фабрикант Путилов прямо предложил, обращаясь к князю Гавриилу Романову, собрать нечто вроде Земского собора (всю царскую фамилию, лидеров партийных фракций в Государственной думе, представителей дворян, командующих армиями и т. д.), «торжественно объявить императора слабоумным, непригодным для лежащей на нем задачи, неспособным дальше царствовать и объявить царем наследника под регентством одного из великих князей».

Все эти разговоры стали известны «охранке», царю и его приближенным. Конечно, император Николай II хорошо осознавал, что значит угроза дворцового переворота. Вот свидетельство одного из очевидцев той обстановки, который позднее говорил о Государе: «Казалось, будто он предчувствовал великую катастрофу. Он был подобен человеку, который неудержимо и решившись на все идет навстречу таящейся опасности».

Однако еще большую угрозу не только для династии Романовых, но и для всех устоев Российской империи представляло постепенно возрастающее недовольство простого народа все ухудшающимся материальным положением. Эту ситуацию в своих интересах пытались использовать многие оппозиционные политические партии.

В памяти Николая II еще свежи были уроки грозного 1905 г., когда наказ его отца Александра III о сохранении в неприкосновенности самодержавия был нарушен. И в те дни было много противоречивых советов, как спасти «больную» Россию, – от рецепта дяди царя, великого князя Владимира Александровича: «Лучшее лекарство от народных бедствий – это повесить сотню бунтовщиков» – до уступок оппозиции и провозглашения конституции. Тогда пришлось пойти на компромисс и, таким образом, спасти положение, но в душе Николая II все протестовало, когда решения навязывались помимо его воли. Недаром граф С. Ю. Витте, отмечая особенности характера императора, сердито говорил писателю А. С. Суворину: «Он не самоволец, а своеволец». Граф Витте недолюбливал императора, который нашел ему достойную замену в лице П. А. Столыпина. Это было известно всем. В те времена ходил анекдот, который имел распространение в октябре 1904 г. и злыми языками приписывался опальному главе правительства: «Почему вдруг понадобилась конституция, ограничивающая монархию? Ведь уже десять лет мы имеем “ограниченного царя”!». Парадокс, но сам граф С. Ю. Витте в

своих мемуарах перед всеми признавал: «Император Александр III был, несомненно, обыкновенного ума и совершенно обыкновенных способностей, и в этом отношении император Николай II стоит гораздо выше своего отца как по уму и способностям, так и по образованию».

Трудности на фронтах Первой мировой войны не только ухудшили экономическое, но и обострили политическое положение в стране. Требуя реформ, активизировалась оппозиция в лице либеральной буржуазии и общественности. Представители крупного капитала и финансовых кругов все настойчивее требовали политических уступок от самодержавия. «Нельзя же в самом деле требовать от страны бесконечных жертв и в то же время ни на грош с ней не считаться, – утверждал один из членов Прогрессивного блока В. В. Шульгин. – Можно не считаться, когда побеждаешь: победителей не судят. Но побежденных судят... За поражения надо платить. Чем? Той валютой, которая принимается в уплату. Надо расплачиваться уступкой власти... хотя бы кажущейся, хотя бы временной».

В ответ на создание «Прогрессивного блока» по повелению императора сессия Государственной думы была распущена досрочно, т. е. 3 сентября 1915 г. Однако превентивная мера не имела успеха. Этот воинствующий «общественный рупор» продолжал действовать, хотя в то время в отличие от Российской империи во многих воюющих странах Западной Европы подобные органы были закрыты или ограничены до окончания войны. Спустя всего год в стенах Думы уже раздалась официально на всю страну слова кадета П. Н. Милюкова «глупость или измена» – о роли Распутина и «безответственных влияниях» императрицы Александры Федоровны. Недаром речи в Государственной думе, прозвучавшие 1 ноября 1916 года и «подпольно» в многочисленных произвольных списках распространявшиеся по всей России, позднее многие называли «штурмовым сигналом революции». Проявляются тревожные симптомы надвигавшихся революционных событий, которые были особенно нежелательны и опасны в условиях военного времени и ведения вооруженной борьбы против внешнего врага. Однако деятели оппозиции хорошо помнили, что только благодаря лихолетью Русско-японской войны и революционному движению удалось вырвать часть уступок от правящего режима в свою пользу. Все больше и больше углубляется пропасть между политическими лагерями, между оппозицией и сторонниками самодержавия.

Непримиримую и открытую позицию в этой борьбе заняла супруга Николая II императрица Александра Федоровна. В своих многих письмах (на английском языке) в Ставку (Могилев) она советует, настаивает и требует от мужа решительности и несгибаемости воли. Она платит гневом и презрением тем, кто хоть в какой-то мере пытается покушаться на трон и самодержавие. «Гучков очень болен, – с внутренним ликованием сообщает она мужу 4 января 1916 г., – хотела бы, чтобы он переселился на тот свет». Тон ее писем в сентябре – декабре 1916 г. становится еще более категоричным: «Я бы сослала Львова в Сибирь... отняла бы чин у Самарина... Милюкова, Гучкова и Поливанова тоже в Сибирь...»; «Будь Петром Великим, Иваном Грозным, императором Павлом – сокруши их всех»; «Как бы я хотела, чтобы Родзянко повесили, – ужасный человек и такой нахал». Даже когда революция уже дышала в лицо, 24 февраля 1917 г. Александра Федоровна продолжала настаивать в своих письмах на жестких мерах: «Я надеюсь, что Кедринского (*правильно: А. Ф. Керенского. – В.Х.*) из Думы повесят за его ужасную речь – это необходимо (военный закон, военное время), и это будет примером. Все жаждут и умоляют тебя проявить твердость».

Одной из причин крушения державы явилось и то, что Императорский Дом Романовых, насчитывавший к тому времени 65 человек, 16 из которых носили титул великого князя, оказался расколотым. Ряд великих князей, обеспокоенных возможными последствиями грядущей революции, возросшим влиянием Распутина и Александры Федоровны на государственные дела, предприняли несколько попыток воздействовать на Николая II. Они считали, что в сложившейся ситуации необходимо пойти хотя бы на частичные реформы, претворяемые в жизнь через «ответственное министерство», и тем самым остановить неумолимый ход назревавших

революционных событий, а не откладывать необходимые преобразования до конца войны. Они вспомнили о завете своего Венценосного предка, Царя-Освободителя Александра II (1818–1881): «Лучше начать сверху, чтобы не началось снизу». Эта позиция великих князей была поддержана матерью Николая II – вдовствующей императрицей Марией Федоровной. Однако все попытки повлиять на «слабовольного» царя казались тщетными.

Убийство Григория Распутина заставило императора 19 декабря 1916 г. покинуть Ставку в Могилеве и вернуться в Царское Село. Гибель «Друга» семейства потрясла императрицу, которая уверовала в предсказание Распутина, что с его смертью «для ее семьи начнутся все беды – муж ее потеряет трон, сын умрет и т. д.».

Вскоре замешанные в этом уголовном деле великий князь Дмитрий Павлович и князь Ф. Ф. Юсупов (младший) были взяты под домашний арест, грозивший им жесткими санкциями. В защиту их было составлено письмо, которое подписали 16 представителей Императорского Дома Романовых. Это лояльное по форме послание было грозным предупреждением Николаю II: оно содержало просьбу смягчить наказание Дмитрию Павловичу – не отправлять его в Персию на фронт, а послать в одно из его имений (Усово или Ильинское). «Венценосные родственники» ясно давали понять, что они целиком поддерживают свершившееся событие, оставляя императору лишь гадать, как далеко они способны зайти в своем отношении к царской семье. Призрак дворцового переворота или «убиенного Павла I», витавший давно в царских покоях и великосветских салонах, мог стать реальностью.

Оказавшись в меньшинстве перед почти единым фронтом родственников, Николай II не пошел на крайние меры (подобно Петру I), но и не отказался от наказания. Его резолюция на коллективном письме гласила: «Никому не дано право заниматься убийством, знаю, что совесть многим не дает покоя, так как не один Дмитрий Павлович в этом замешан. Удивляюсь вашему обращению ко мне».

Великий князь Дмитрий Павлович был выслан в Персию на Кавказский фронт к генералу Н. Н. Баратову, а князь Феликс Юсупов – в собственное имение под домашний арест. Попал в опалу и великий князь Николай Михайлович (1859–1919), который вынужден, был отправиться из столицы в краткосрочную ссылку до 1 марта 1917 года в свое имение Грушовка Херсонской губернии. Поводом послужили не только заступничество «за возмутителей спокойствия», но и его вольные разговоры в яхт-клубе, и чрезмерные поучения царя, в том числе в письме, содержание которого с непосредственной подачи великого князя стало достоянием многих из представителей аристократии. Вот некоторые из него строки: «Ты часто выражал волю вести войну до победы. Но неужели же ты думаешь, что эта победа возможна при настоящем положении вещей?»

Знаешь ли ты внутреннее положение империи? Говорят ли тебе правду? Открыли ли тебе, где находится корень зла?

Ты часто говорил мне, что тебя обманывают, что ты веришь лишь чувствам своей супруги. А между тем слова, которые она произносит, – результат ловких махинаций и не представляют истины. Если ты бессилен освободить ее от этих влияний, будь, по крайней мере, беспрерывно настороже против интриганов, пользующихся ею как орудием.

Удали эти темные силы, и доверие твоего народа к тебе, уже наполовину утраченное, тотчас снова вернется.

Я долго не решался сказать тебе правду, но я на это решился с одобрения твоей матери и твоих двух сестер. Ты находишься накануне новых волнений. Я скажу больше: накануне покушения. Я говорю все это для спасения твоей жизни, твоего трона и твоей родины».

Царя буквально обложили со всех сторон требованиями уступок оппозиции и проведения буржуазных реформ. В этом преуспевали не только Государственная дума, «Прогрессивный блок», но и великие князья. Так, 25 декабря 1916 г. великий князь Александр Михайло-

вич (1866–1933) начал (подобно старшему брату Николаю Михайловичу) свое нескончаемое письмо Николаю II, в котором указывал:

«Мы переживаем самый опасный момент в истории России: вопрос стоит, быть ли России великим государством?.. Какие-то силы внутри России ведут тебя и, следовательно, и Россию к неминуемой гибели. Я говорю – тебя и Россию – вполне сознательно, так как Россия без царя существовать не может; но нужно помнить, что царь один править таким государством, как Россия, не может; это надо раз навсегда себе усвоить, и, следовательно, существование министерства с одной головой и палат совершенно необходимо; я говорю – палат, потому что существующие механизмы далеко не совершенны и не ответственны, а они должны быть таковыми и нести перед народом всю тяжесть ответственности; немислимо существующее положение, когда вся ответственность лежит на тебе, и на тебе одном... Как председатель, так и все министры должны быть выбраны из числа лиц, пользующихся доверием страны... Состоявшиеся... назначения показывают, что ты окончательно решил вести внутреннюю политику, идущую в полный разрез с желаниями всех твоих верноподданных. Эта политика только на руку левым элементам, для которых положение "чем хуже, тем лучше" составляет главную задачу; так как недовольство растет, начинает пошатываться даже монархический принцип...»

Когда подумаешь, что ты несколькими словами и росчерком пера мог бы все успокоить, дать стране то, что она жаждет, т. е. правительство доверия и широкую свободу общественным силам, при строгом контроле, конечно, что Дума, как один человек, пошла бы за таким правительством, что произошел бы громадный подъем сил народных, а следовательно, и несомненная победа, то становится невыносимо больно, что нет людей, которым бы ты доверял, но людям, понимающим положение, а не таким, которые подлаживаются под что-то непонятное».

Спустя некоторое время, а именно 25 января 1917 г., Александр Михайлович (закадычный и верный друг с детства Сандро), подумав и собравшись с духом, неспешно продолжил свое послание, больше похожее не на дружеский совет, а на философский трактат, как надо управлять Великой державой:

«События показывают, что твои советники продолжают вести Россию и тебя к верной гибели; при таких условиях молчать является преступным перед Богом, тобой и Россией.

Недовольство растет с большой быстротой, и чем дальше, тем шире становится пропасть между тобой и твоим народом... Такое положение продолжаться не может...

В заключение скажу, что, как это ни странно, но правительство есть сегодня тот орган, который подготавливает революцию, – народ ее не хочет, но правительство употребляет все возможные меры, чтобы сделать как можно больше недовольных, и вполне в этом успевает. Мы присутствуем при небывалом зрелище: революции сверху, а не снизу».

Письмо было получено царем только 4 февраля 1917 года и, казалось, не произвело особого впечатления на Николая II, но настойчивые предостережения и требования окружения, несомненно, подготавливали его к необходимости перемен.

Доклады Охранного отделения Департамента полиции были в унисон общественному мнению и предупреждали об опасности надвигавшихся голодных бунтов: «Озлобление растет, – констатирует охранка 5 февраля 1917 г., – и конца его росту не видать. А что стихийные выступления народных масс явятся первым и последним этапом по пути к началу бессмысленных и беспощадных эксцессов самой ужасной из всех анархической революции, сомневаться не приходится».

Генерал А. И. Деникин (1872–1947), анализируя события, позднее определенно утверждал в «Очерках русской смуты», что борьба «Прогрессивного блока» с царским правительством находила, «несомненно, сочувствие у Алексеева и командного состава». Речи В. В. Шульгина и П. Н. Милюкова 1 ноября 1916 г. в Государственной думе, свидетельствовал он, «читались и резко обсуждались в офицерских собраниях». Один «видный социалист и деятель городского союза» говорил генералу А. И. Деникину, что, побывав впервые в армии в 1916 г.,

он был поражен, «с какой свободой всюду, в воинских частях, в офицерских собраниях, в присутствии командиров, в штабах и т. д., говорят о негодности правительства, о придворной грязи».

Среди некоторой части приближенных к императору преобладали фатализм и вера в судьбу, а поэтому и пассивное отношение к событиям. «Морской волк», давний друг Государя Николая II адмирал К. Д. Нилев (1856–1919) в присущей ему простоватой манере твердил: «Будет революция, нас всех повесят, а на каком фонаре – это все равно».

Несмотря на нараставший размах революционного движения, правящие круги продолжали считать выступление войск против правительства невозможным, во всяком случае, до окончания войны. В этом убеждали царя командующий Петроградским военным округом генерал С. С. Хабалов и министр внутренних дел А. Д. Протопопов. Однако положение все обострялось, последовали аресты некоторых радикальных революционеров. В свою очередь, лидеры оппозиции, почувствовав реальную опасность за свое личное благополучие, начали «сжигать мосты», призывая к открытому бунту. Кризис власти приобрел необратимый характер, царское правительство теряло должный контроль за нарастающими грозными событиями.

По Петрограду стали распространяться слухи, будто Царское Село (резиденция Николая II) приняло решение расправиться с Государственной думой. А. Ф. Керенский писал в воспоминаниях: «Когда 14 февраля открылось заседание Думы, в повестке дня стоял вопрос о ее роли в противостоянии между властью и страной... Я сказал то, о чем думали, но не рисковали говорить открыто депутаты Думы. И заявил, что ответственность за происходящее лежит не на бюрократии и даже не на "темных силах", а на короне. Корень зла, сказал я, кроется в тех, кто сидит на троне... "Я имею в виду то, что свершил Брут во времена Древнего Рима". Председатель Думы позднее распорядился об исключении из стенографического отчета этого моего заявления, оправдывающего свержения тиранов. Когда мои слова передали царице, она воскликнула: "Керенского следует повесить!" На следующий день или, быть может, днем позже председатель Думы получил от министра юстиции официальное заявление с требованием лишить меня парламентской неприкосновенности для привлечения к судебной ответственности за совершение тяжкого преступления против государства. Получив эту ноту, Родзянко тотчас пригласил меня в свой кабинет и, зачитав ее, сказал: "Не волнуйтесь. Дума никогда не выдаст вас"».

До председателя Государственной думы М. В. Родзянко дошли сведения, что царь созывал некоторых министров во главе с главой правительства князем Н. Д. Голицыным. На совещании обсуждался вопрос о последствиях возможного решения «о даровании ответственного министерства». Может быть, Николай II желал показать правительству, что над ним тоже занесен «дамоклов меч», как и над принципом самодержавия, чтобы подтолкнуть на решительные меры? А может, просто прощупывал настроения министров, их отношение к обострявшейся ситуации? Совещание показало, что князь Н. Д. Голицын был бы доволен, если бы дело обернулось так, что с него сняли бы непосильную ношу. Но вечером 20 февраля его снова вызвали в Царское Село. Николай II сообщил ему, что уезжает на короткое время в Ставку. Когда же он осмелился напомнить царю, что тот собирался ехать в Думу и говорить «о даровании ответственного министерства», Николай II спокойно ответил, что изменил свое решение.

Что вызвало изменение решения? Об этом можно только догадываться. Известно, что в Ставку (Могилев) после продолжительной болезни вернулся генерал М. В. Алексеев. Великий князь Михаил Александрович (1878–1918) передал во время разговора с венценосным братом в Царском Селе, что в Ставке выражают недовольство его длительным отсутствием. Возможно, сам Николай II еще раз решил взвесить все аргументы и прояснить обстановку до конца, прежде чем сделать такой ответственный шаг.

Накануне отъезда в Могилев, как видно из дневника Николая II, поздно вечером он принял министра внутренних дел Протопопова. По некоторым сведениям, царь сообщил А. Д.

Протопопову, что генерал В. И. Гурко вместо кавалерийских полков лейб-гвардии, о направлении которых в Петроград он распорядился, послал туда морскую гвардию. Заметим, что Гвардейским Экипажем в тот момент командовал великий князь Кирилл Владимирович (1876–1938), который своим отношением к Николаю II вызывал определенные опасения. Царь собирался осуществить ранее намеченную переброску верных войск и конной лейб-гвардии в столицу. Перед тем как покинуть Петроград, Николай II подписал указы Сенату как об отсрочке заседаний, так и о роспуске Думы, не поставив на обоих документах даты, и вручил их на непредвиденный случай главе правительства князю Н. Д. Голицыну. Однако министр внутренних дел А. Д. Протопопов просил царя не задерживаться в Могилеве без крайней необходимости и заручился его обещанием возвратиться не позднее, чем через восемь дней.

Генерал В. И. Гурко (1864–1937), который замещал в штабе Ставки в Могилеве во время болезни генерала М. В. Алексеева, в своих эмигрантских мемуарах «Война и революция в России» (Берлин, 1921) так позднее описывал эти события:

«Очень вероятно, что никому из людей, с которыми мне случалось обсуждать эту тему, ничего не было известно ни о положении дел в промышленных центрах, ни о том, какого рода пропаганда ведется среди рабочих. Я и сам пребывал на этот счет в неизвестности, однако можно предположить, что положение было отнюдь не спокойное, поскольку, как стало известно после революции, в это самое время петроградская полиция по приказу Протопопова обучалась стрельбе из пулеметов. Совершенно ясно, что правительство не могло рассчитывать на надежность петроградского гарнизона, хотя его численность была тогда необычно высока и достигала 160 тысяч человек. В мирное время столичный гарнизон никогда не доходил даже до 40 тысяч. Однако император, как видно – по просьбе Протопопова распорядился направить на отдых в Петроград две конные дивизии, включая одну гвардейскую из Особой армии. Справившись у командующего войсками округа генерала Хабалова, я выяснил, что в городе нет места для расквартирования даже одного кавалерийского полка, не говоря уже о двух дивизиях.

Тогда император ограничился присылкой с побережья Черного моря Гвардейского флотского экипажа, который был расквартирован по деревням в окрестностях Царского Села».

Таким образом, проведя 66 дней в столице, выслушав все доводы противостоявших сторон, Николай II, оставив заболевших корью детей, в 14 часов 22 февраля 1917 г. выехал из Царского Села в Ставку (Могилев).

В связи с обострением политического положения в стране царь вскоре принял решение прервать заседания Государственной думы. Первые сообщения из Петрограда о стачках и беспорядках были расценены им как вспышки бунта голодного населения и проявление недовольства в связи с перерывом заседаний Думы. Когда в Ставку пришла тревожная телеграмма председателя Думы М. В. Родзянко о начале революции, Николай II (по некоторым свидетельствам) сказал министру Императорского двора графу В. Б. Фредериксу: «Опять этот толстяк Родзянко мне написал разный вздор, на который я ему не буду даже отвечать».

Тем не менее, вечером 26 февраля Хабалов и Протопопов получили от царя из Ставки телеграфное предписание: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией. *Николай*».

В Петрограде царское правительство и военные власти были в полной растерянности. Так, позднее, 22 марта 1917 года на допросе ЧСК Временного правительства генерал С. С. Хабалов (1858–1924) признавался:

«Эта телеграмма, как бы вам сказать? – быть откровенным и правдивым: она меня хватилась обухом... Как прекратить завтра же?.. Что я буду делать? Как мне прекратить? Когда говорили «хлеба дать», дали хлеба и кончено. Но когда на флагах надпись «долгой самодержавие!», – какой же тут хлеб успокоит!» (*орфография и специфика оригинала; так в тексте. – В.Х.*).

В депешах военных властей Петрограда в Ставку (Могилев) не сообщалось об истинных причинах, послуживших толчком к революционному взрыву, который в конечном итоге и привел к государственному перевороту. Князь Владимир Андреевич Оболенский (1869–1938), принадлежавший к радикальному крылу кадетов, писал в воспоминаниях: «Вспыхнувшая в конце февраля 1917 г. революция не была неожиданностью. Она казалась неизбежной. Но никто не представлял себе, как именно она произойдет и что послужит поводом для нее... Революция началась с бунта продовольственных "хвостов", а этот бунт вспыхнул потому, что министр земледелия Риттих, заведовавший продовольствием Петербурга, испугавшись уменьшения подвоза хлеба в столицу, отдал распоряжение отпускать пекарням муку в ограниченном размере – по расчету 1 фунт печеного хлеба в день на человека. Ввиду сокращения хлебных запасов эта мера была вполне разумной, но лишь при одновременном введении системы хлебных карточек... Все были уверены, что начавшийся в Петербурге бунт будет жестоко подавлен... 26 февраля Керенский был уверен в том, что не сегодня завтра его арестуют... Но этот ряд стихийно-хаотических действий создал перелом в истории России, перелом, называемый Февральской революцией. На следующий день открылась новая страница русской истории».

Такого же мнения был кадет В. Д. Набоков: «Происходившее нам казалось довольно грозным... Тем не менее, еще 26-го вечером мы были далеки от мысли, что ближайшие два-три дня принесут с собою такие колоссальные, решающие события всемирно-исторического значения».

События развивались по туго закрученной спирали сценария будто бы современного детектива. Революция в Петрограде началась 23 февраля. Но только 27-го власти сообщили в Ставку о своей неспособности контролировать ситуацию и запросили помощи с фронта. По распоряжению Николая II в ночь с 27 на 28 февраля в столицу направляются Георгиевский батальон и другие воинские части под командованием генерала Н. И. Иванова (1851–1919). С каждого фронта (не в ущерб общей военной обстановке) было снято и дополнительно снималось еще несколько пехотных и кавалерийских полков, общей численностью в две дивизии. В Царское Село выезжает и сам царь.

Тактику жестких мер против бунтовщиков в военное время поддерживала и императрица Александра Федоровна: «Если мы хоть на йоту уступим, завтра не будет ни Государя, ни России, ничего!.. Надо быть твердыми и показать, что мы господа положения».

Любопытна реакция на создавшуюся острую ситуацию в Петрограде французского посла Мориса Палеолога, который записал в дневнике: «Сессия Думы отложена на апрель, и мы отправили императору телеграмму, умоляя его немедленно вернуться. За исключением г. Протопопова, мои коллеги и я полагали, что необходимо безотлагательно установить диктатуру, которую следовало бы вверить генералу, пользующемуся некоторым престижем в глазах армии, например, генералу Рузскому». И далее указывает: «немедленное назначение министерства, внушающего доверие Думе, мне кажется более, чем когда-либо необходимым; поэтому нельзя больше терять ни одного часа».

В непримиримой схватке столкнулись силы, требовавшие более или менее радикальных общественных перемен, и силы, пытавшиеся сохранить самодержавную систему. Страна стремительно раскалывалась на враждебные лагеря. Ober-гофмейстерина императрицы княгиня Е. А. Нарышкина (1838–1928) констатировала в своем дневнике: «Император думает и работает только для своей неограниченной власти. Увы, увы, у него в будущем отнимут гораздо больше, чем он должен был бы отдать добровольно, обеспечив себе популярность и любовь своего народа...».

Обстановка всего за несколько часов изменилась не в пользу самодержавия. 1 марта Николай II сделал запись в дневнике: «Ночью повернули с М. Вишеры назад, т. к. Любань и Тосно оказались занятыми восставшими. Поехали на Валдай, Дно и Псков, где остановился на ночь. Видел Рузского. Он, Данилов и Саввич обедали. Гатчина (*гарнизон Гатчины около*

20 тыс. оставался верен присяге. – В.Х.) и Луга тоже оказались занятыми. Стыд и позор! Доехать до Царского не удалось. А мысли и чувства все время там! Как бедной Аликс должно быть тягостно одной переживать все эти события! Помоги нам Господь!»

Дневник свидетельствует, что Николая II тревожили и благополучие, и здоровье семьи. Перед его отъездом из Царского Села один за другим тяжело заболели корью сын и дочери, и это не прибавляло ему душевных сил. А впереди была серьезная политическая и силовая схватка за власть.

Об этих событиях позднее делился воспоминаниями генерал А. С. Лукомский (1868–1939), который, в частности, указывал:

«Создалось ужасное положение: связь Ставки с Государем потерялась, а Государя явно не желают, по указанию из Петрограда, пропускать в Царское Село. Наконец Государь решил ехать в Псков. В Псков Государь прибыл вечером 1/14 марта.

Что, собственно, побудило Государя направиться в Псков, где находился штаб Главнокомандующего Северного фронта генерала Рузского, а не вернуться в Ставку в Могилев? Некоторые объясняют это тем, что в бытность в Могилеве при начале революции он не чувствовал твердой опоры в своем начальнике штаба генерале Алексееве и решил ехать к армии на Северный фронт, где надеялся найти более твердую опору в лице генерала Рузского. Возможно, конечно, и это, но более вероятно, что Государь, стремясь скорей соединиться со своей семьей, хотел остаться временно где-либо поблизости к Царскому Селу, и таким пунктом, где можно было иметь хорошую связь и со Ставкой и с Царским Селом, был Псков, где находился штаб Северного фронта».

Николай II, которому восставший народ и мятежные части столицы, а также распространяемая злонамеренная дезинформация фактически закрыли путь на Петроград, пытался изменить тактику. Политический компромисс, уступка оппозиции в ее требовании создания «ответственного министерства» (перед Государственной думой) даются императору в нелегкой борьбе с самим собой. Генерал А. И. Деникин в «Очерках русской смуты» позднее писал: «Вечером 1 марта в Пскове. Разговор с генералом Рузским; Государь ознакомился с положением, но решения не принял. Только в 2 часа ночи 2-го, вызвав Рузского вновь, он вручил ему указ об ответственном министерстве. “Я знал, что этот компромисс запоздал, – рассказывал Рузский. . . – но я не имел права высказать свое мнение, не получив указаний от Исполнительного комитета Государственной думы”».

Со стороны генерал-адъютанта Н. В. Рузского, нам кажется, приведен довольно странный и сомнительный аргумент, т. к. он давал присягу на верность императору и армия (по действующему положению) должна быть вне политики. В данном случае просматривались явные элементы наличия заговора и нарушения присяги.

В эмигрантских воспоминаниях (Нью-Йорк, 1955; М., 1990) известного кадета П. Н. Милокова (1859–1943) об этих событиях читаем: «На следующий день, 28 февраля, положение окончательно выяснилось. Мы были победителями. Но кто – “мы”? Масса не разбиралась. Государственная Дума была символом победы и сделалась объектом общего паломничества. Дума, как помещение – или Дума, как учреждение? Родзянко хотел понимать это, конечно, в последнем смысле и уже чувствовал себя главой и вождем совершившегося. На его последнюю телеграмму царю, что “решается судьба родины и династии”, он получил 28 февраля ответ, разрешающий ему лично сформировать ответственное министерство. Вплоть до 2 марта он в телефонном разговоре с ген. Рузским держался за это предложение и объявлял, что “до сих пор верят только ему и исполняют только его приказания”, – хотя в то же время и признавался, что “сам висит на волоске, власть ускользает у него из рук и он вынужден был ночью на 2-е назначить Временное правительство”. Только в виде информации он передал Рузскому о “грозных требованиях отречения (царя) в пользу сына при регентстве Михаила Александровича”. Вплоть до 3½ часа 2 марта царь готов был отослать телеграмму в этом смысле, подчи-

няясь советам начальников фронтов. События разворачивались быстро и оставляли позади всю эту путаницу. Тем не менее в течение этих дней фикция победы Государственной Думы, как учреждения, поддерживалась ее председателем».

События «великой и бескровной Февральской революции» оказались для многих полной неожиданностью. Позднее к этим событиям проявлялся интерес со стороны многих вынужденных эмигрантов из России в течение еще длительного периода. Так, например, бывший депутат Государственной думы, земец-октябрист Н. В. Савич (1869–1942) в дневниковой записи от 8 марта 1921 года зафиксировал: «Видел Крыжановского. Он рассказывал о первых днях революции и о днях им предшествовавших. Уверял, что Родзянко был посредником между революционным комитетом князя Львова и рабочими и что Трепов настаивал пред государем об аресте Родзянко, Гучкова, Алексеева, причем представил переписку этих лиц с ген. Рузским о предполагавшемся перевороте. Государь показал эту переписку ген. Алексееву, который дал честное слово солдата, что письма эти подложные. После этого государь говорил, что верит этому слову и что у него гора свалилась с плеч. За эту достоверность он поплатился головой».

Год спустя, т. е. 29 апреля 1922 г., тот же октябрист Н. В. Савич вновь записал в дневнике: «Разговаривал с Гучковым о днях революции и отречении государя. Он мне рассказал любопытные подробности. За некоторое время до переворота государь стал плохо относиться к Алексееву и под влиянием Александры Федоровны и ее окружения задумал заменить его Рузским. В то время у Алексеева уже началась болезнь простаты, лечил его ассистент профессора Федорова и залечил так, что болезнь явно обострилась. Два доктора обратились тогда к Базили, предупреждая последнего, что Федоров и его ассистент умышленно растравляют болезнь Алексеева, чтоб вынудить отставку последнего. Базили предупредил тогда зятя Алексеева. Вскоре Алексей уехал в отпуск, устроив на свое место Гурко. Дней за 20 до революции Алексей писал Гурко, прося исхлопотать ему продолжение отпуска. На это государь ответил, что не только не возражает против продолжения отпуска, но считает, что Алексей вообще мог бы заняться серьезно лечением, не думая о возвращении. Узнав об этом, Алексей поспешил вернуться. По мнению Гучкова, в то время не было частей в армии, кои были способны задавить восстание в Петербурге. Недаром за три дня до начала беспорядков, кончившихся революцией, под влиянием волнений на фабриках от частей гвардии были высланы по роте от полка для поддержания порядка в Петербурге. Офицеры этих частей со слезами на глазах заявляли герцогу Лейхтенбергскому (по словам Гучкова), что их части стрелять в народ не будут. Хотели тогда выслать первую гвардейскую кавалерийскую дивизию, но посылка ее была отменена по требованию из Петербурга, где не верили в ее лояльность. Гурко, узнав о такой отмене, заявил, что теперь все проиграно».

В известной на западе книге русского историка-эмигранта Георгия Михайловича Каткова (1903–1985) «Февральская революция» имеется раздел, посвященный заговору Гучкова, где говорится: «Нигде влияние масонского движения не приобретало более важного значения, чем в подготовке государственного переворота с целью покончить с правлением Николая II. /.../. Масонское движение состояло по преимуществу из республиканцев. Гучков был монархистом. Он хотел свергнуть Николая II с целью консолидации монархии, после чего приобрел бы в новых условиях ведущую роль. Ни методы, ни конечная цель Гучкова не были характерны для масонов, которые были призваны составить ядро Временного правительства и вскоре после его формирования отделаться от Гучкова. Правда, как признает мадам Кускова, масоны стремились обеспечить для дела революции поддержку влиятельного правительства, общества и двора. В движение вовлекались многие высокопоставленные бюрократы и деятели, принадлежавшие к высшему обществу. Очевидно также, что масонское влияние глубоко проникло в армейские круги, особенно в гвардию, один из представителей которой, генерал Крымов, должен был сыграть важную роль в замышляемом Гучковым заговоре. Вот где связи с масонами

приобретали для Гучкова первостепенную важность! И он, без сомнения, использовал их максимально».

Мало кому известно, но была предпринята еще одна отчаянная попытка к спасению трона. 1 марта 1917 г. был составлен проект любопытного документа – «Манифест великих князей», в котором от имени царя предполагалось провозгласить следующее:

«...Поручаем Председателю Государственной думы немедленно составить Временный кабинет, опирающийся на доверие страны, который в согласии с нами озаботится созывом Законодательного собрания, необходимого для безотлагательного рассмотрения имеющего быть внесенным правительством проекта новых основных законов Российской империи».

Под этим документом поставили свои подписи великие князья: Михаил Александрович, Кирилл Владимирович и Павел Александрович. Однако время ушло. Проект так и остался проектом.

Следует отметить, что вместо поддержки Николая II или нейтралитета по отношению к нему, великий князь Кирилл Владимирович предпринял неожиданные шаги, которые имели пагубные последствия для судеб монархии и России. Так, дворцовый комендант Императорского дворца генерал-майор В. Н. Воейков (1868–1947) писал об этих событиях: «Великий князь Кирилл Владимирович, с царскими вензелями на погонах и красным бантом на плече, явился 1-го марта в 4 часа 15 мин. дня в Государственную думу, где отрапортовал председателю Думы М. В. Родзянко: “Имею честь явиться Вашему Высокопревосходительству. Я нахожусь в вашем распоряжении, как и весь народ. Я желаю блага России”, – причем заявил, что Гвардейский экипаж в полном распоряжении Государственной думы».

Этот шаг, по мнению многих аристократов, был равносильен предательству. Позднее сторонники монархии, оказавшись в эмиграции, с горечью констатировали, подобно генералу Н. А. Епанчину (1857–1941), что некоторые «Великие князья изменили Государю дважды: и как Императору, и как Главе Императорского Дома». Графиня М. Э. Клейнмихель (1846–1931) в своих эмигрантских мемуарах «Из потонувшего мира», описывая первые дни Февральской революции, по этому поводу сетовала: «На следующее утро я вышла узнать, что происходит. Я узнала новости, радостные для одних и горестные для других; я слыхала много речей, и когда я увидела во главе Гвардейского экипажа великого князя Кирилла Владимировича, революционная осанка которого восхищала солдат, я поняла, что династии нанесен тяжелый удар. Впоследствии говорили, что великому князю посоветовал так поступить английский посол. Я уверена, что Кирилл не раз, впоследствии, в этом раскаивался».

В Пскове оппозиция, прежде всего в лице М. В. Родзянко, фактически предъявила Государю Николаю II ультиматум, который поддержали генералы Рузский и Алексеев от имени Ставки. Император, оказавшись в силу разных обстоятельств в штабе Северного фронта у генерала Н. В. Рузского в Пскове, пытался найти политический компромисс и боролся до конца. «Основная мысль Государя, – излагал позднее Рузский в интервью журналистам, – была, что он для себя в своих интересах ничего не желает, ни за что не держится, но считает себя не вправе передать все дело управления Россией в руки людей, которые сегодня, будучи у власти, могут нанести величайший вред родине, а завтра умоют руки, “подав с кабинетом в отставку...”». Государь перебирал с необыкновенной ясностью взгляды всех лиц, которые могли бы управлять Россией в ближайшие времена в качестве ответственных перед палатами министров, и высказывал свое убеждение, что общественные деятели, которые, несомненно, составят первый же кабинет, – все люди совершенно неопытные в деле управления и, получив бремя власти, не сумеют справиться со своей задачей». Нам, читателям этих строк, с позиций уже сегодняшнего дня остается констатировать, что император Николай II оказался прав.

Последовавшие события нашли отражение не только в воспоминаниях Д. Н. Дубенского, но и в мемуарах генерала А. И. Деникина: «Рузский представил Государю мнения Родзянко и военных вождей. Император выслушал совершенно спокойно, не меняя выражения своего как

будто застывшего лица; в 3 часа дня он заявил Рузскому, что акт отречения в пользу своего сына им уже подписан...».

Поздно вечером 2 марта в Псков приехали представители Думы А. И. Гучков и В. В. Шульгин. Разговор Николая II с ними описан во многих мемуарах. Царь, внимательно выслушав сообщение делегатов о положении дел в Петрограде, заявил: «Я вчера и сегодня целый день обдумывал и принял решение отречься от престола. До 3 часов дня я готов был пойти на отречение в пользу моего сына, но затем я понял, что расстаться со своим сыном я не способен. Вы это, надеюсь, поймете? Поэтому я решил отречься в пользу моего брата». Еще до отречения он под давлением генералов Н. В. Рузского и М. В. Алексеева дал телеграфное распоряжение генералу Н. И. Иванову не предпринимать никаких военных действий, вернул верные пехотные полки и кавалерийские части на фронт.

Отречение Николая II от престола за себя и несовершеннолетнего сына Алексея в пользу своего брата великого князя Михаила Александровича явилось для всех полной неожиданностью. Это решение было непростым и для самого Николая Романова. 2 марта он записал в дневнике: «Утром пришел Рузский и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бесцельно что-либо сделать, так как с ним борется социал-демократическая партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку, а Алексеев – всем главнокомандующим. К 2 ч. пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена и трусость, и обман!»

Вместе с тем отречение Николая II за себя и за своего сына Алексея было очевидным нарушением закона о престолонаследии, так как царь не мог отречься за прямого наследника. Многие видели в этом шаге бывшего царя тайный смысл, то есть намерение в дальнейшем отказаться от этого акта как не имеющего законной силы. Так, например, кадет П. Н. Миллюков (1859–1943) прямо позднее писал: «Отказ в пользу брата недействителен, и это есть трюк, который задуман был и осуществлен в отсутствие царицы... При условии передачи власти Михаилу легче было впоследствии истолковать весь акт как недействительный». Но однако нам не следует забывать, что по законам Российской империи и сам монарх не имел права отречься от престола, о чем все сведущий Миллюков почему-то умолчал.

Любопытные и противоречивые сведения об отречении Николая II приводит в своих воспоминаниях генерал А. А. Брусилов, ссылаясь на рассказ генерала Н. В. Рузского. Читаем эти строки, относящиеся к периоду времени августа 1917 года:

«В это время собрался в Москве съезд общественных деятелей. Я выступал и объяснял подробно положение армии и дух ее. Причем не скрывал, что она находится в ужасном виде и положение ее безнадежно. В том же духе докладывали о положении дел на фронте и генералы Алексеев, Рузский, Юденич и Каледин. Кажется, в тот же день или на другой у меня обедали ген. Рузский и Каледин. Это было в последний раз, что я их видел, не подозревая об этом тогда. /.../

Ген. Рузский рассказывал нам много подробностей о своем пребывании в царском поезде во время отречения Николая II в Пскове. У него была собственноручная записка государя, которую он ему прислал через час после отречения. Государь колебался и просил его остановить дело. Он писал, что вопрос о наследнике следует переделать. Но было уже поздно, телеграммы были уже разосланы по всей России. Тяжело было и у Рузского на душе, но он не был так безысходно мрачен, как Каледин».

Вот еще одно свидетельство. Генерал А. И. Деникин красочно позднее описывал в своих мемуарах переживания Николая II после отречения, сообщая отдельные неизвестные ранее детали событий:

«Поздно ночью поезд уносил отрекшегося императора в Могилев. Мертвая тишина, опущенные шторы и тяжкие, тяжкие думы. Никто никогда не узнает, какие чувства боролись в душе Николая II – отца, монарха и просто человека, когда в Могилеве при свидании с Алексеевым он, глядя на него усталыми, ласковыми глазами, нерешительно сказал:

– Я передумал. Прошу Вас послать эту телеграмму в Петроград.

На листке бумаги отчетливым почерком Государь писал собственноручно о своем согласии на вступление на престол сына своего Алексея...

Алексеев унес телеграмму и... не послал. Было слишком поздно.

Телеграмму эту Алексеев, “чтобы не смущать умы”, никому не показывал, держал в своем бумажнике и передал мне в конце мая, оставляя верховное командование.

Этот интересный для будущих биографов Николая II документ хранился затем в секретном пакете в генерал-квартирмейстерской части Ставки».

Стоит подчеркнуть, что генералы А. И. Деникин, Н. В. Рузский и М. В. Алексеев, на наш взгляд, в этом случае (сознательно или нет) были не правы, указывая: «Было слишком поздно». Отречение Николая II было бы окончательным только после принятия и опубликования Сенатом соответствующего Манифеста, что определялось основным законодательством Российской империи. Манифест на тот момент еще не был опубликован. При желании было время все изменить в пользу цесаревича Алексея, который мог занять место на Российском Престоле, что якобы все ожидали и к чему стремились. На самом же деле, более вероятно, деятели Временного правительства прежде всего стремились придать своей власти хоть какие-нибудь черты легитимности, а править они уже собирались сами, поспешив вскоре избавиться даже от Государственной думы.

Растерянность и смятение Николая II можно объяснить его ответственностью не только за будущее России, но и за судьбу сына Алексея. Имел ли он моральное право решать за него? Это и накладывало определенную печать на все последующие его действия.

Тревожные известия об отречении Государя докатились между тем и до царской семьи в Александровском дворце. Государыня Александра Федоровна болезненно переживала это известие. Пьер Жильяр (1879–1962), находившийся при наследнике Алексее, вспоминал:

«Около полудня до дворца доходит весть об отречении императора. Императрица об этом тоже узнает, но с негодованием отвергает этот слух как злостную выдумку. Немного погодя приходит великий князь Павел и эту весть подтверждает. Сомнений нет. Император отрекся накануне вечером в Пскове в пользу своего брата Михаила Александровича. Отчаяние императрицы беспредельно, но ее огромное мужество ее не оставляет. Она пришла, как обычно, к своим детям, чтобы ничего не смущало больных, которые ничего не знают о том, что произошло со времени отъезда государя в Ставку. Поздно ночью мы узнаем, что великий князь Михаил тоже отрекся, что судьбу России должно решить Учредительное собрание.

На следующий день я встречаю императрицу у Алексея Николаевича. Она спокойна, но очень бледна...».

Уже на второй день после отречения Петроградский исполком, учитывая требования многочисленных митингов и собраний, постановил арестовать царскую семью и великих князей. Через несколько дней под давлением Петросовета принимает почти аналогичное постановление об аресте царской семьи и Временное правительство.

Романовых и Россию ожидали тяжкие испытания...

Лидеры оппозиции, критиковавшие самодержавие, оказались на самом деле лишь «временщиками» и плохими «управленцами», не способными вывести из охватившей страну политической анархии и экономического хаоса. Не лучше было и положение на фронте. Романовы

в этот период «нового порядка» были отодвинуты на второй план, но продолжали оставаться в роли «громоотвода» при кризисных политических ситуациях.

Временное правительство назначило Чрезвычайную Следственную Комиссию по расследованию злоупотреблений царских сановников, но, несмотря на пристрастное следствие, было вынуждено признать, что все обвинения и нападки на Николая II и его супругу, в т. ч. по подготовке «сепаратного мира» с немцами, не имели фактического основания. Тем не менее, арест с царской семьи снят не был и начавшийся крестный путь в Тобольск завершился плахой в Екатеринбургe.

Государственный переворот в России вызвал огромный интерес во всем мире. В западноевропейской прессе проявилась особенно отчетливая тенденция представлять революционные события в Петрограде как антигерманский переворот, произведенный из патриотических целей под руководством Государственной думы. Так, например, заголовок в лондонской газете «Таймс», зачастую воспринимаемой как полуофициальный орган министерства иностранных дел Великобритании, приветствовал эти события как «победу в военном движении», и редакторский комментарий пояснял, что «армия и народ объединились, чтобы свергнуть силы реакции, которые удушали народные стремления и связывали национальные силы».

Исследователь Роберт А. Уорт в своей книге «Антанта и русская революция» по этому поводу пишет: «Своевременность революции была особенно отмечена Соединенными Штатами, в то время как раз готовившимися к крестному походу с целью «обезопасить мир для демократии». Хотя вряд ли Америка вступила в войну в результате свержения царизма /.../ Почти все без исключения американские газеты и журналы приветствовали новую Россию и продолжали это делать еще долго после того, как в британскую и французскую прессу стали проникать критические замечания. Для бостонской “Транскрипт” революция была “кошмаром, вскормленным грудью либерального мира”, тогда как даллаская “Ньюс” выражала чувства нации, заметив, что революция “дает политическое и духовное единение союзу противников Германии, которого до сих пор недоставало по той причине, что демократия находилась в одной лиге с автократией”».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.